

ГВИДО ВИТИЕЛЛО

ЧИТАТЕЛЬ НА КУШЕТКЕ

МАНИИ,
ПРИЧУДЫ
И СЛАБОСТИ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ЧИТАТЬ
КНИГИ

Гвидо Витиелло
Читатель на кушетке.
Мании, причуды и слабости
любителей читать книги
Серия «Психология и нейронаука»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69981820

Читатель на кушетке. Мании, причуды и слабости любителей читать
книги: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-157470-3

Аннотация

Почему многие подчеркивают строки в книгах и строчат на полях, а другие с ужасом смотрят на малейшую небрежность? А какие тайны хранят полки домашней библиотеки каждого из нас? Всех ведь раздражает необходимость ставить книги на полке в два ряда?

«Читатель на кушетке» – ироничный и забавный альманах привычек, связанных с чтением, и глубоких механизмов, которые делают наши отношения с книгами почти что эротичными и временами невротичными.

Эта книга посвящена читателям-психотикам и читателям-невротикам:

- тем, кого охватывает тоска, если им приходится одолжить книгу, и тем, кто обещает себе во время чтения не зевать;
- полиаморным читателям, поглощающим параллельно несколько книг, или, наоборот, моногамным чтецам, не прикасающимся к новой книге, пока не закончат начатую, даже через боль и слезы;
- тем, кто стыдится сказать, что он не читал того или иного классика, и тем, кто выставляет этот аспект своей читательской биографии как составную часть бунтарского духа.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

1	6
2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Гвидо Витиелло
Читатель на кушетке
Мании, причуды и слабости
любителей читать книги

Guido Vitiello

Il lettore sul lettino. Tic, manie e stravaganze di chi ama i libri

*** * ***

Все права защищены.

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Печатается с разрешения Giulio Einaudi editore s.p.a.

All rights reserved

© 2021 Giulio Einaudi editore s.p.a., Torino

© М. А. Козлова, перевод, 2023

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2023

1

Как лечить чужой невроз при помощи самоанализа

С тебя пять центов¹.

Люси Ван Пельт

Есть одно давнее высказывание (его, как правило, приписывают драматургу Джерому Лоуренсу, но я считаю, что его породил острый ум английского хирурга лорда Альфреда Уэбба-Джонсона), и звучит оно примерно следующим образом: «Человек с неврозом строит воздушные замки, человек с психозом живет в них, а психиатр взимает арендную плату». Эта фраза кратко резюмирует суть нашей книги: достаточно лишь заменить замки на книжные шкафы.

Кто-то воспримет ее слишком буквально и найдет некое мрачное соответствие между домашней библиотекой безумного книголюба и палатой с мягкими стенами в психиатрической лечебнице. Вспомните хотя бы Жана дез Эссента, парижского денди из романа Жориса-Карла Гюисманса «Наоборот»: этот персонаж велел обить стены и потолок своего

¹ Автор ссылается на популярный в Италии американский комикс Peanuts. Эту фразу часто говорит одна из героинь комикса. Здесь и далее приводятся примечания переводчика, если не указано иное. – *Прим. пер.*

обиталища сафьяном, чтобы жить не просто в доме, а как будто в огромной книге. Или синолога Питера Кина, главного героя книги Элиаса Канетти «Ослепление»: он облицовывает книгами стены, заставляя ими все от пола до потолка, даже закрывает ими окна наглухо, довольствуясь одним-единственным слабым источником света – дырами в потолке. Как можно заподозрить, ничем хорошим это не закончилось, чего и следовало ожидать, хотя бы исходя из оригинального названия романа – «Аутодафе», – а также ввиду одного весьма простого соображения: бумага, как правило, легко воспламеняется. Или же подумайте о Карлосе Брауэре, обезумевшем библиофиле из «Бумажного дома» Карлоса Марии Домингеса, который построил на затерянном пляже лачугу из книг, используя их вместо кирпичей:

Он, должно быть, бродил там, пока возводилась стена, подавал томик Борхеса, чтобы закрыть нижний ряд под окном, Вальехо – около двери, сверху Кафка, а рядом Кант и «Прощай, оружие!» Хемингуэя в твердом переплете; а дальше Кортасар и всегда объемный Варгас Льюиса; Валье Инклан с Аристотелем, Камю с Моросоли и Шекспир, отвратительно связанный с Марло цементным раствором; все, обреченные на возведение стены, на отбрасывание тени².

Ну и что с того, скажете вы, это ведь всего лишь романы.

² Пер. О. Коробенко.

Однако вы заблуждаетесь: в исторических документах прошлых столетий, особенно относящихся к XIX веку, описаны и куда более жуткие случаи помешательства. Один такой чудак, англичанин сэр Томас Филлипс, вбил себе в голову, будто он просто обязан обзавестись всеми доступными в то время книгами, а когда он умер, то в завещании запретил кому бы то ни было приводить в порядок его нечеловеческих размеров библиотеку. Его коллекция хранилась в отдельном здании в неоклассическом стиле, напоминавшем Парфенон. К тому же он особенно настаивал, что в это хранилище ни в коем случае не должен попасть его шурин, так как Филлипс подозревал оногу в краже рукописей. Его соотечественнику, сэру Ричарду Геберу, пришлось купить целых восемь домов – четыре в Англии и еще четыре на континенте, – чтобы туда поместились все его книги, так как он покупал каждую из них в трех экземплярах: один он хранил на полке, второй читал, а третий мог одолжить друзьям. Наивысшая, исключительная степень библиомании даже подтолкнула отдельных людей к совершению преступлений – как правило, эти случаи со временем становятся подобием городских легенд. Например, kleптомания, которой страдал один математик, граф с как будто нарочно выбранным для него именем Гульельмо Либри (что по-итальянски значит «книги»). Известен также случай серийного убийцы Йоханна Георга Тиниуса – протестантского священника, который отправил на тот свет двух богатых вдов, проломив им черепа молотком, толь-

ко бы унять свою безумную тягу к литературе. И, конечно, нельзя не упомянуть о так называемых «пожирателях»: по крайней мере, тех из них, кто поедает конкретно бумагу. Думаю, у каждого из нас в школе был такой одноклассник. Так вот, один аристократ XVIII века по имени Эрнст Иоганн Бирон не оставил этого занятия, даже когда повзрослел.

В общем, все как в самых благопристойных семьях: в нашей родословной книголюбов тоже обязательно найдется какой-нибудь безумный дядюшка, чей портрет благоразумно прячут на чердаке. Эти случаи помешательства изучают психиатры, их каталогизируют криминологи и с нездоровым усердием расследуют те, кому по нраву всякие диковины. Но в этой книге речь пойдет не о них. Автор может разве что иногда указать на них пальцем, ведь они своего рода страшилка, призрак, которым пугают, желая предостеречь, донельзя преувеличенные примеры дурных привычек, проявления которых в жизни, как правило, выглядят куда менее вопиющими. В общем, мы будем говорить не столько о читателях, одержимых психозом, сколько о расстройствах, свойственных невротичному читателю, а он, в свою очередь, – не кто иной, как «обыкновенный читатель», собирательный образ которого еще сто лет назад набросала Вирджиния Вулф, и ее описание до сих пор звучит актуально.

Обыкновенного читателя, писала она в 1925 году, следует отличать от критика и ученого. Как правило, он не отличается прекрасным образованием и, если совсем честно, да-

же не особо умен. Он читает ради удовольствия, а не чтобы поделиться знаниями с другими или же оспорить, осудить чужое мнение. Поэтому он может позволить себе читать в спешке, поверхностно и не вдаваясь в детали. Он может как угодно выстраивать и ломать миры в своем воображении, но в процессе чтения «стремится по наитию, неведомо из какого сора, сам для себя создать нечто целостное»³ (вот они, те самые воздушные замки, которые возводит невротичный читатель). Этот портрет появляется на первых страницах известного сборника эссе Вирджинии Вулф, который носит то же название – «Обыкновенный читатель». Он играет роль своеобразной приветственной таблички при входе в храм: ее специально повесили там с дружественными намерениями, чтобы проходящие мимо люди или даже обычные зеваки не убоялись и не сбежали. Жаль лишь, что, если как следует присмотреться к этому обыкновенному, то есть самому распространенному, типу читателя, окажется, что он встречается не так часто, как казалось. Но чтобы заметить это, нам придется войти в храм чтения через боковую дверь.

Сделаем шаг назад и вернемся в начало эссе – там мы увидим, что свой дружелюбный и весьма льстивый портрет обыкновенного читателя писательница предварила посвящением, адресованным Литтону Стрейчи. Близкий друг Вирджинии Вулф, так же как и она, критик и литератор, он

³ Пер. Н. Рейнгольд.

получил среди членов группы «Блумсбери» прозвище Великий Стрейчи. Это произошло не потому, что его как-то особенно любили, не с целью иронично поставить его в один ряд с Великим Гэтсби или Александром Македонским, а чтобы отличить его от Малого Стрейчи – его младшего брата Джеймса, психоаналитика и переводчика. Последний известен тем, что представил английскому читателю работы Зигмунда Фрейда, а сам в двадцатые годы был его пациентом. А вот и наша боковая дверь! Девятнадцатого марта 1930 года младший Стрейчи прочитал в лондонском отделении Британского психоаналитического общества доклад на тему «Некоторые проявления бессознательного при чтении». Первый удар по самолюбию обыкновенного читателя.

Стрейчи заметил за несколькими своими пациентами странные привычки, похожие на ритуалы. Например, один из них при чтении испытывал огромные затруднения и вел себя скованно: причиной тому были многочисленные запреты, которые он сам и придумал. Он всегда держал в руке карандаш и внизу каждой страницы ставил галочку – но только если был совершенно уверен, что полностью понял ее содержание. И это, прошу заметить, в те дни, когда он чувствовал себя хорошо. В обратном же случае он отмечал галочкой каждый абзац или каждую строчку. В самые тяжелые времена (или же когда книга казалась ему особенно важной) галочка появлялась после каждого слова. Стоит ли говорить, что читал он мало, зато карандашом извел немерено. Другого па-

циента Стрейчи, корректора по профессии – как мы увидим далее, это отдельный тип патологии, – постоянно преследовала мысль, что он пропустил какую-то чудовищную опечатку, из-за чего ему приходилось постоянно читать и перечитывать одно и то же место. Подобные случаи доказывают, что чисто теоретически обыкновенный читатель Вирджинии Вулф берется за книги *for his own pleasure*, то есть из удовольствия, но на самом деле это чувство временами совершенно ему недоступно.

Однако давайте спросим себя: откуда берется удовольствие от чтения? Удовлетворение каких скрытых желаний мы таким образом сублимируем? Стрейчи так отвечал на этот вопрос: помимо скопофилии (любви к подглядыванию) и влечениям анальной фазы развития (любовь к порядку и складированию) основополагающую роль играют влечения, возникающие в оральной фазе. Эту параллель можно проследить на примере распространенных метафорических сравнений: читателя называют «ненасытным», есть книги, которые сложно «переварить», или те, которые «проглатываешь» мигом. Если человека, полностью погрузившегося в книгу, отвлекает какой-то внешний раздражитель, он ведет себя прямо как младенец, намертво вцепившийся в материнскую грудь. Стрейчи замечал, что дети в процессе чтения неслучайно держат под рукой что-нибудь съестное или в крайнем случае тянут в рот пальцы; взрослые же устраиваются в самом удобном кресле с трубкой и бокалом виски

с содовой (естественно, он имел в виду тех, кто жил в тридцатые годы, мы же с вами видели этих людей только в фильмах). И до этого места все вроде бы как звучит складно. Однако оральная стадия психосексуального развития, как пишет Фрейд, делится на две части, поэтому за безграничным счастьем беззубого грудничка наступает садистическая фаза – именно там, по мнению Стрейчи, берут начало описанные им затруднения при чтении. Когда страсть к разрушению берет верх, мы больше не можем без тени сомнения впитывать слова других людей, мы пробуем их на зуб, пережевываем и измельчаем, хотим как следует распробовать, прежде чем проглотить, потому что боимся – вдруг они ядовитые. Вот и объяснение навязчивых странностей двух его пациентов.

Что такое книги с точки зрения бессознательного? В этом месте доклад Стрейчи принимает весьма неприятный оборот – нам остается только надеяться, что он произнес его, выждав достаточно времени после приема пищи. Но об этом позже. Скажем лишь, что, постепенно принимая все более визионерский тон, психоаналитик изобразил книгу как своего рода огромный театр, на сцене которого разыгрывается пьеса об Эдипе: пустая страница – материнское тело, напечатанные слова – оплодотворяющие, но в то же время оскверняющие это тело мысли отца, а читателю отведена роль сына. Он «желает силой проникнуть в тело матери, пройти сквозь него, узнать, что там внутри, вырвать с корнем любые упоминания об отце, поглотить его слова, присвоить их себе и

таким образом осеменить ими себя». Вот почему, кратко замечает Стрейчи в конце своего выступления, многие читатели подчеркивают слова в книгах, оставляют на страницах каракули, истязают их, загибают уголки страниц, а настоящий книголюб – видимо, замкнутый в треугольнике Эдипова комплекса – с ужасом глядит на самые безобидные из этих «покушений».

Подведем итог: под маской обыкновенного читателя кроется грудничок, постоянно совершающий одни и те же действия, любитель подглядывать, человек, помешанный на порядке, садист, насильник, готовый совершить инцест, и отцеубийца. А теперь давайте попросим прощения у Бодлера, ведь он в «Цветах зла» назвал читателя всего лишь «лицемерным»⁴.

Чтение – это вредная привычка, такая же, «как и все те, к которым мы возвращаемся с живейшим удовольствием, в которых находим себе убежище и замыкаемся, которые утешают нас и помогают справиться с мелкими разочарованиями». Так писал поэт Валери Ларбо – в те же годы, когда Вирджиния Вулф льстила обыкновенному читателю в своем эссе. Вместе с тем, в отличие от прочих навязчивых и неконтролируемых привычек, в случае с чтением за грех не по-

⁴ Отсылка к стихотворению, открывающему сборник «Цветы зла»: *Hypocrite lecteur, – mon semblable, – mon frère!* – «Лицемерный читатель, мое подобье, мой брат».

лагается наказания. По-французски это явление называется *vice imprini*: порочная склонность, которая, однако, «создает у нас обманчивое ощущение, будто посредством ее мы приближаемся к добродетели». Из этого следует, что чем сильнее мы отдаемся этому пороку, тем больше бахвалимся. Мы нашли корень всех тех проблем, от которых страдают читатели, – об этом мы и поговорим далее. Среди писателей никто так и не смог лучше раскрыть эту тему, чем Сомерсет Моэм в рассказе «Сумка с книгами».

Одни читают для пользы, что похвально; другие для удовольствия, что безобидно; немало людей, однако, читают по привычке, и это занятие я бы не назвал ни безобидным, ни похвальным. К этим последним отношусь, увы, и я. Разговор, в конце концов, нагоняет на меня скуку, от игры я устаю, а собственные мысли рано или поздно истощаются, хотя, как утверждают, размышления – лучший отдых благоразумного человека. Тут-то я и хватаюсь за книгу, как курильщик опиума за свою трубку. Чем обходиться без чтения, я уж лучше буду читать каталог универмага «Арми энд нейви» или справочник Брэдио (издававшийся в 1839–1961 гг. справочник расписания движения на железных дорогах Великобритании); кстати, каждое из этих изданий доставило мне немало приятных часов. Было время – я не выходил из дому без букинистического списка в кармане. По мне, так нет чтения лучше. Разумеется, такое пристрастие к чтению столь

же предосудительно, как тяга к наркотику, и я не перестаю дивиться глупости великих книгочеев, которые только потому, что они книгочеи, презирают людей необразованных. Разве, с точки зрения вечности, достойнее прочитать тысячу книг, чем поднять плугом миллион пластов? Давайте признаемся, что мы так же не можем без книги, как иные без опия, – кому из нашей братии неведомы беспокойство, чувство тревоги и раздражительность, когда приходится подолгу обходиться без чтения, и вздох облегчения, что исторгает из груди вид странички печатного текста? – и будем по этой причине столь же смиренны, как несчастные рабы иглы или пивной кружки⁵.

Такими словами могла бы начинаться – в теории – терапия, излечивающая людей от книгозависимости. Как и в знаменитой программе «Двенадцать шагов», которую используют «Анонимные алкоголики», первый шаг в ней – признание проблемы и собственного поражения: мы должны сознаться, что находимся под властью некоей силы, во много раз превосходящей наши возможности, и что эта сила не имеет никакого отношения к удовольствию от чтения, по крайней мере, не больше, чем алкоголизм – к увлечению винной культурой. Впрочем, обе эти вредные привычки прекрасно сочетаются. Как выразился любящий выпить читатель из другого рассказа Моэма «Нечто человеческое»: «Я попробовал на

⁵ Пер. Н. Куняева.

вкус одну фразу, она была лучше вина»⁶.

По иронии судьбы осознание того, на какой запущенной стадии находится моя книгозависимость, буквально пришло ко мне по почте десять лет назад. Мне доставили загадочную посылку, в которой была книга некоего Эрнеста Курца под названием «Не Бог: история „Анонимных алкоголиков“». Откуда она взялась? Ее доставили по ошибке? Кто подарил мне ее? И зачем ему присылать именно мне книгу из 450 страниц, повествующую об истории «АА»? Я должен был сделать из этого некий вывод, или какой-то бандит выносил мне предупреждение, или же мне кто-то угрожал? Когда я наконец узнал правду, то она задела и огорчила меня куда больше, чем все вышеперечисленное: оказывается, я сам заказал эту книгу в приступе безумного накопительства, а потом забыл о ней.

Этот распространенный тип невротического поведения подробно рассмотрел в своей книге «Духовные письма» философ Джузеппе Ренси:

Сколько раз тебя, должно быть, охватывало чувство, будто, раз у тебя нет той или иной книги, тебе не хватает чего-то основополагающего, чтобы считать себя культурным человеком; ты долго сопротивляешься искушению купить эту книгу, но тщетно: чем сильнее ты противишься, тем более необходимой кажется тебе эта покупка и тем более

⁶ Пер. Н. Галь.

постыдным – сам факт ее несовершения. Наконец, когда ты все же сдался и приобрел ее, бегло просмотрел содержание и пролистал несколько страниц, то мгновенно ощутил, что она уже не так сильно нужна тебе, поэтому ты долго не решился взяться за нее – а то и вовсе даже не начинал ее читать! Нечто подобное происходит и с влечением к женищинам.

Это своего рода книжное донжуанство, и к человеку, страдающему им, вполне можно было бы применить в качестве эпитета неологизм, придуманный итальянским издателем Ванни Шейвиллером, – *libridinoso*, то есть «книгоблудник». Возможно, так и следует назвать общество подобных людей – «Анонимные книгоблудники». Вот только, надо заметить, сладострастие – наименьший из присущих нам, книголюбам, грехов.

Вам стоит почитать книгу Луи Бойю-Мерме «О библиомании» (1761 г.), чтобы узнать, что одержимый этой страстью с одинаковым успехом предается и всем прочим смертным грехам. Такой человек не только склонен к унынию («он буквально живет в лавках книготорговцев и таскается из одной в другую в компании своей тоски»), он алчен и «неустанно преумножает свои богатства, но не пользуется ими», исполнен гордыни (заставленные полки для него как «триумфальные арки, которые библиоман возводит, чтобы прославить свое нелепое тщеславие»), не избежал чревоугодия, так как «попробовал на вкус все существующие доктрины», но в

то же время «крайне дурно питается и скорее истощает свои силы, нежели укрепляет их». Я бы добавил к этому зависть к библиотеке соседа – она, как водится, лучше, богаче, как и трава у него на лужайке перед домом, естественно, всегда зеленее. А еще – гнев, способный подтолкнуть к убийству другого человека, если тот вовремя не вернет одолженную книгу. Семь из семи.

Но мы легко отпускаем сами себе все семь грехов: неслучайно чтение – это вредная привычка, не несущая за собой никаких последствий. Книжный мир – особая территория, где не действуют законы обычного мира, поэтому привычки и склонности, которые в любой другой сфере показали бы нам симптомами невроза, неконтролируемыми навязчивыми желаниями, жуткими извращениями, волшебным образом превращаются там в повод для гордости, в милые заскоки, выражение почтения и преданности самой чистой разновидности любви – любви к культуре. Вспомните хотя бы этот знаменитый запах бумаги, которым упиваются тоскующие по прошлому книголюбы: они надеются таким образом победить постепенно сходящие на нет чувственные ощущения от встречи со словом на электронном носителе. Человеку, который за ужином втайне признается нам, что приходит в восторг от запаха старинных книг, мы скорее всего ответим понимающей улыбкой, но если же этот самый человек – с такой же прямоотой – сообщит нам, что сходит с ума от запаха ношеного белья, мы в ответ лишь ошарашено выта-

ращим глаза.

И все же нельзя отрицать, что в обоих случаях мы имеем дело с тем, что Фрейд называл *Riechlust*, то есть «наслаждение от обоняния». Некоторые запахи преодолевают барьер вытеснения, столь необходимого для жизни в цивилизованном обществе, и возвращают фетишиста в потерянный рай, находящийся за границами чистоты и греха, в сад наслаждений, которые ныне принято порицать. Но даже если оставить в стороне Фрейда, так ли далек Бодлер, который погружается в «отягченный волною истомы» аромат женских волос, пока его «опьяненный дух» пьет «запах муска, кокоса и жаркой смолы», а больное сердце желает вернуться «в колыхание нег, в благовонный покой»⁷, от библиофила, обнюхивающего страницы старинного издания – вплоть до того, что его начинают одолевать призраки, восставшие из книжного алькова?

Итак, мы определились, что обыкновенный читатель – на деле обыкновеннейший человек с неврозом. Осталось понять, с какой стати я принялся взимать с него арендную плату за проживание в воздушном замке. Фрейд предполагал, что психоанализом могут заниматься не только врачи, однако, ему явно не приходило в голову, что за него, вероятно, возмущаются не только психоаналитики. Когда его ученика Теодора Рейка обвинили в том, что он незаконно проводит

⁷ Пер. Эллиса.

психоаналитические сессии, так как лечит пациентов, хотя сам закончил философский факультет, учитель встал на его защиту. В моем же случае Фрейд бы первым вызывал полицию – даже не сомневайтесь в этом. Я могу похвастаться лишь тем, что незаконно, без необходимых документов, занимаюсь незаконной – нерегулируемой никакими правовыми актами – деятельностью, причем совершенно безнаказанно, – еще и надеясь, что два этих правонарушения не усугубят друг друга, а напротив, взаимно уничтожатся.

В 2016 году я начал вести на сайте газеты «Интернационале» раздел с письмами читателей и озаглавил его «Консультация книгопатолога». Моя идея состояла в том, чтобы таким образом распознать привычки, причуды, страхи и ритуалы, связанные с чтением книг, составить своего рода первые «Отчеты Кинси»⁸, где бы говорилось о тайных aberrациях читателей. После того, как я изучил триста клинических случаев и сам получил столько же приступов ипохондрии, мне, горе-аналитику, стало ясно, что я точно такой же невротичный человек, как и они, а вовсе не авторитетный специалист. Я чувствовал себя прямо как доктор Фассбендер из фильма «Что нового, киска?», то есть Питер Селлерс в жутком парике и с невыносимым немецким акцентом, который заверяет

⁸ «Отчеты Кинси» – две монографии о сексуальном поведении человека – «Сексуальное поведение самца человека» (1948 г.) и «Сексуальное поведение самки человека» (1953 г.), – написанные американским биологом доктором Альфредом Кинси в соавторстве с другими врачами, в которых он подверг сомнению принятые в обществе взгляды на человеческую сексуальность.

пациента: «Я использую всевозможные нетрадиционные методы». Из ящика с психологическими инструментами я готов извлечь самые разнообразные приборы и теории – более или менее благородные, устаревшие, взбалмошные, непоследовательные, противоречащие одна другой, – лишь бы они позволили мне высказать то или иное предположение о глубинных механизмах, от которых зависит чувство радости и огорчения, возникающее при чтении.

И чтобы вы сразу поняли, насколько я беспринципный человек, признаюсь, что свою книгу я начал с проявления читательской kleptomании: заголовок для вступления я украл из книги Чезаре Музатти «Как лечить чужой невроз при помощи самоанализа». Первая глава этой книги называется (нарочно не придумаешь!) «Незаконное занятие врачебной деятельностью».

Спасибо, с вас пять центов.

2

Одеяльце малыша Линуса⁹ и обрывки ткани

*С усмешкой Страж Дверей мне дал пальто.
Так – коротко сказать – я испугался¹⁰.*

*Томас С. Элиот, Любовная песнь Дж. Альфреда
Пруфрока*

Первой моей игрушкой (по крайней мере, первой, которую я помню) стала книга «Бис-Бис и лесные обитатели»¹¹. Это небольшое иллюстрированное издание квадратного формата, его авторы – некто Тилль и Магнус. Однако под загадочными скандинавскими именами, как выясни-

⁹ Здесь, как и в предыдущей главе, автор отсылает к популярному комиксу Peanuts, точнее к одному из его героев – мальчику по имени Линус, который никогда не расстается со своим детским одеялом, хотя оно давно уже ему малю и сильно износилось. Некоторые психологи объясняют чрезмерную привязанность Линуса к этому предмету своего рода метафорическим переносом, в результате которого ребенок, чтобы отделиться от матери, связывает ее образ с каким-то объектом и, как следствие, не хочет с ним расставаться.

¹⁰ Пер. Н. Берберовой.

¹¹ Бис-Бис – пятеро персонажей с разными характерами и свойствами. Их задача – познакомить маленького читателя с окружающим миром: цветами, числами, формами и разными живыми существами.

лось, на самом деле скрывались миланец и генуэзец – художник-иллюстратор Пьеро Вентура и детский писатель Джан Паоло Чезерани. Несколько лет назад, когда я весьма лениво и в мечтательном настроении разбирал чердак в доме родителей, эта книга вдруг обнаружилась в какой-то коробке с вещами. Семейство Бис-Бис сильно напоминает мне других персонажей – Барбапапа, которые появились на свет во Франции несколькими годами ранее. Можно подумать, что все эти создания – представители одного большого рода, но относятся к разным ветвям генеалогического древа, и весьма конкретного. Я имею в виду грушу, так как ее плоды тоже вытянутые, округлые и имеют пышные бедра, прямо как у готтентотской Венеры. У семейства Бис-Бис был заклятый враг по имени Джакка, и если сами они отличались упитанностью, то он призрачное, неосязаемое существо: тень с вытаращенными глазами, завернутая в серый плащ, которая постоянно прячется то за кустами, то за стволом дерева. Его не так-то просто обнаружить на картинках и вытащить из укрытия, особенно если ты трехлетний ребенок. Именно в эту игру мы всегда играли с мамой: «Где Джакка?» – «Вот он!»

Сами того не зная, мы с мамой на восемь лет опередили английского иллюстратора Мартина Хендфорда: можно сказать, наша забава содержала, пусть и в зачаточном виде, идею, лежавшую в основе его серии книг «Где Уолли?». Рассматривая ее, дети должны были обнаружить в разношерстной толпе человечка в кофте в красно-белую полоску, как

у гондольера. Но, возможно, правильнее будет сказать, что обе эти забавы – вариации одной из самых древних игр в мире: мы, итальянцы, как и французы, называем ее «ку-ку», англичане – «пик-а-бу», а немцы – «гук-гук». В общем, в разных странах дети используют разные звукоподражательные команды, но суть одна. Эта игра учит ребенка теряться и находиться, терять и находить маму и таким образом постепенно справляться с тревогой, связанной с неизбежной сепарацией в будущем: она учит понимать, что люди и вещи продолжают существовать, даже когда мы их не видим. Внук Фрейда, полуторагодовалый мальчик по имени Эрнст, придумал себе похожее занятие: он взял деревянную катушку с намотанной на нее ниткой и сначала отбрасывал ее от себя и выкрикивал слово *fort* (что значит «далеко» или «туда»), а потом тянул за нитку и подтаскивал катушку к себе, радостно восклицая *Da!* («Сюда!»). Мама уходит – мама возвращается. Из этого можно сделать вывод, что отец психоанализа был также дедушкой гениального ребенка. Ведь в отличие от большинства малышей, опрокидывающих предметы на пол с мыслью, что взрослый человек одновременно с обожанием и остервенением, как послушная собака, соберет их и вернет обратно, маленький Эрнст изобрел собственный прототип игрушки йо-йо. Жаль только, что ее уже запатентовали в Америке пятьюдесятью годами ранее. Хотя название *fort-da*, или «туда-сюда», кажется, подошло бы ей куда лучше, чем то, что принято сейчас. Вспомним хотя бы, что

одними из первых эту игрушку освоили французские аристократы, которым пришлось уехать из страны во время Революции. Можно сказать, она забросила их *fort*, далеко от родины: неслучайно предшественницу йо-йо тогда называли *émigrette*, точно подчеркивая ее связь с эмигрантами.

Но вернемся к семейству Бис-Бис. Вот они собрались на пикник в лесу, а рядом промышляет коварный Джекка: он укрылся в густой листве и намеревается украсть у пышнотелых врагов корзинку с едой. Дело происходит весной 1979 года – я выяснил это, найдя дату в выходных данных на последней странице моего потерянного и обретенного альбома. Мои родители планировали уехать на несколько дней во Флоренцию и оставить меня на поруки бабушкам и теткам в Неаполе. Они уезжали впервые, но что это вообще значит – «уезжать»? Я тогда понятия не имел. Это самое раннее мое воспоминание о детстве: вот мама улыбается, стоя на пороге, и прощается со мной как ни в чем не бывало, дверь за ней закрывается, дневной свет вдруг меркнет и кажется мне враждебным, в просторной гостиной теперь пусто, а безутешный ребенок только в эту секунду понимает истинный смысл глагола «уезжать», бросается на родительскую кровать вместе с книжкой про семейство Бис-Бис и вслух спрашивает сам себя: «Где Джекка?» И только когда он все же обнаруживает среди кустов проходимца в сером плаще, к нему приходит осознание, что привычное ощущение волшебства растаяло.

Первой моей игрушкой была книга, но я не умел играть

в одиночку.

Лондон, 8 октября 1966 года. Йо-йо исполняется сто лет, по крайней мере, той его версии, которую запатентовали два американца, опередивших маленького Эрнста. Однако Британское психоаналитическое общество устраивает торжественный ужин отнюдь не по этому случаю. Официальный повод для праздника – завершение полного перевода трудов Фрейда на английский язык, всего 24 тома так называемого стереотипного издания. А виновник торжества – уже известный нам Джеймс Стрейчи. Именно он, младший из двух братьев, а ныне семидесятивосьмилетний мужчина (поэтому у меня, справедливости ради, уже как-то язык не поворачивается назвать его младшим), посвятил несколько десятилетий работе над этим фундаментальным трудом. Он вложил в свое детище столько сил, что уже буквально сделался с ним одним целым и стал неотличим от отца-основателя психоанализа: у него такая же седая борода, усы и даже оправа очков.

Слово берет президент общества Дональд Винникотт, гениальный психоаналитик, в былые годы высоко оценивший статью Стрейчи о бессознательном читателя. Первый знает второго как свои пять пальцев, а второй первого – даже лучше, и можно сказать, уже залез тому под кожу, поскольку тот десять лет лечился у нашего переводчика, проводившего с ним по шесть сеансов в неделю. За это время можно

уже порядком друг другу наскучить. Рядом с президентом сидит почетный гость – младшая дочь Фрейда по имени Анна. Она единственная продолжила семейное дело и даже консультировала Эрнста, нашего безвестного изобретателя йойо. Винникотт – человек взбалмошный, что довольно типично для умнейших из англичан в тех случаях, когда они осознают собственную гениальность, поэтому он благоразумно решил посвятить свою поздравительную речь тому, чего в итоге не оказалось в 24 томах переводного издания и чему, очевидно, требовалось посвятить еще одну книгу. Вот это талант испортить всем праздник, скажите? Итак, замечает Винникотт, когда Фрейд составил карту человеческого сознания, он забыл отметить на ней место, куда можно поместить наш опыт соприкосновения с культурой. Безусловно, он придумал такую вещь, как сублимация, то есть перенос сексуального влечения на более возвышенную, благородную почву, в свете этого видения проанализировал тексты романов, мифов, сказок, фантастических рассказов. Но сублимация – это не какая-то самостоятельная часть человеческого существа. Она скорее подразумевает все разнообразие архитектурных строений, начиная с фольклорных избышек, заканчивая замками, то есть произведениями высокого искусства, которые люди возвели на пригодной для строительства почве – на базе собственной сексуальности. Если снести их подчистую, то под ними обнаружится бескрайнее поле сексуального подтекста. Можно ли поверить, что культура не

занимает в нашем сознании какого-то особого, отдельного места?

Винникотт считал, что ему удалось обнаружить на карте сознания то место, откуда проистекают культурные опыты. Найдя этот «новый мир», он, как первопроходец, водрузил там свой флаг и назвал его «потенциальное пространство» или же «зона иллюзии». Эта территория располагается между человеческим «я» и внешним миром – оно похоже на постепенно увеличивающийся разлом между расходящимися в стороны континентами. Сначала мать и ребенок – одно целое, и, скажем прямо, это самое беззаботное время. Девять месяцев жизни в утробе с включенным в счет проживанием и питанием, а затем, после выезда из номера, – самое внимательное обращение, как с лучшим клиентом. Мать заботливо предугадывает все желания и просьбы новорожденного. Кажется, будто он всемогущ и сам вызывает к реальности ее образ. Стоит ему только заплакать («позвонить в звонок») – и она тут как тут: «Чего изволите?» Конечно, это не продлится вечно: вскоре нашему грудничку, привыкшему к полному пансиону, придется смириться, что хозяйка гостиницы существует вне зависимости от его желаний и что помимо него самого есть еще целый мир, который не спешит исполнять его капризы. Впрочем, если ничто не травмирует его в чересчур раннем возрасте, ребенок узнает это постепенно, и для этого ему придется пройти через зону иллюзии: через срединное пространство между «я» и «не-я»,

между субъективным и объективным миром, где разделенные пребывают в единстве, а единство не исключает разделения. Это пространство – не исключительно материальное или же воображаемое, оно не подпадает ни под одну из юрисдикций, так как в полной мере не относится ни к суровой реальности, ни к пластичному от начала до конца царству фантазий. Это такая воображаемая страна, похожая на мягкую подушку-амортизатор, которая встает между ребенком и внешним миром и становится тем местом, где зарождаются первые простейшие игры – такие как игра в «ку-ку». И там же со временем вырастут великолепные дворцы искусства, литературы, музыки, религии, научных изобретений и всех прочих проявлений человеческого воображения.

Возможно, став взрослыми, сидя в садах потенциального пространства, мы с удовольствием погрузимся в чтение «Братьев Карамазовых» (настолько, насколько нам могут доставить удовольствие печальное лицо Ивана и оскорбления Смердякова). В детском же возрасте нам вполне хватает и более простых предметов: мы играем с соской, куклой, плюшевым мишкой, лоскутом ткани, пропахшим чем-то родным и умиротворяющим, или же потрепанным одеяльцем, которое уже как только не использовалось в быту и явно не блещет чистотой. Винникотт называет такие вещи переходными объектами: именно потому, что они помогают ребенку выстраивать отношения между собой и миром, двумя граничащими царствами, которые в теории могут начать войну.

Переходные объекты – своего рода продолжение нашего сознания, но они находятся вне нас. Пупсы и мягкие игрушки не видения, ведь мы можем потрогать их, укусить, помять, как и все прочие предметы. Но в то же время это не просто вещи, как и все прочие, не взаимозаменяемые товары, лежащие на огромном складе материального мира. Это чудесные предметы – они одновременно живые и неживые: например, плюшевый медведь при необходимости превратится в заботливого защитника, будет хранить в себе тепло матери, пока ее нет рядом, а потом снова послушно вернется к образу жизни мягкой игрушки. Если мама исчезает слишком надолго, эта схема перестает работать, и переходный объект может перейти в застывшую форму и стать фетишем – тогда зона иллюзии преобразится в мрачное царство уныния.

Когда человеческое «я» и внешняя среда наконец приходят к мирному соглашению и сепарации, переходные объекты теряют большую часть своих посреднических функций. Но это не значит, что они утрачивают все имеющиеся свойства или же что эти свойства не передаются другим предметам, с которыми мы сталкиваемся уже во взрослой жизни. К таким вещам относятся талисманы – их значение для человека можно понять лишь в свете событий личной жизни. Роль других предметов приобретает колоссальные масштабы: например, вот уже несколько лет психоаналитики рассматривают смартфон в качестве переходного объекта для целого поколения людей, ведь он выстраивает наши отноше-

ния с миром, занимает промежуточную позицию между материальной и ментальной сферой, и мы ни за что не готовы расстаться с ним – прямо как малыш Линус, который не желает выпускать из рук свое одеяльце, даже если его просто нужно постирать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.